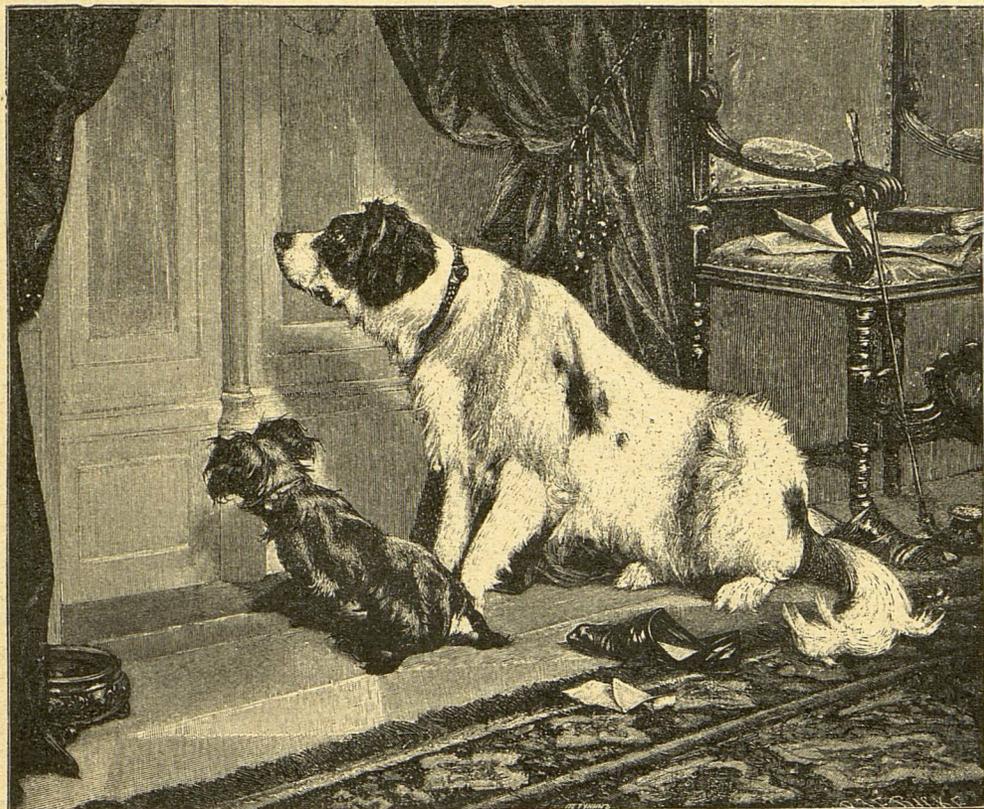

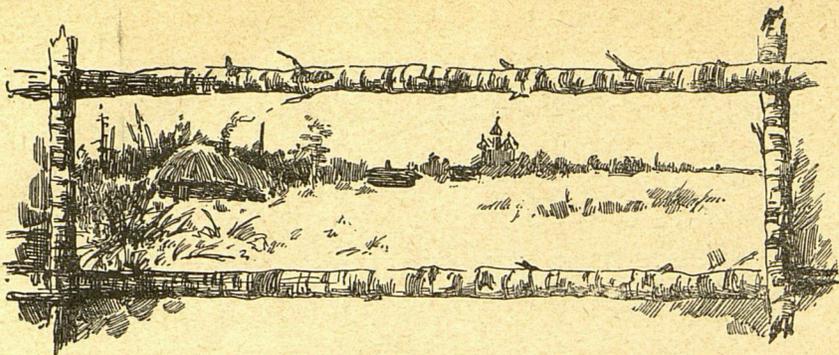

Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 2.

Кто идетъ?

Признанія стараго петербургскаго кота Васьки*).

(РАЗСКАЗЪ.)

II.

Фофочка и Ниночка были добрѣе и часто защищали меня, но и онѣ устраивали мнѣ непріятности. Ниночка любила особенно играть со мной, хотя отъ ея ласкъ мнѣ приходилось тоже терпѣть. Напримѣръ, вы только что пообѣдали, вамъ хочется вздремнуть гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, а прибѣгаетъ Ниночка, хватаетъ васъ поперекъ живота и начинаетъ бѣгать по комнатамъ, какъ сумасшедшая. Если я начиналъ царапаться, она тербила меня за ухо и приговаривала:

*) Продолженіе.—См. „Свѣтлячокъ“ 1903 г., № 1-й.

— Ахъ, какой злой котъ!.. Ахъ, какой противный котъ!..

Но я на нее не сердился. Ниночка была добрая дѣвочка и при томъ мы съ ней играли въ бумажку. Это очень весело. Она привязывала бумажку на длинную нитку, а я за ней гонялся. Ничего веселѣе не можетъ быть. Вы не повѣрите, какъ бумажка походить на настоящую живую мышъ... Какъ двѣ капли воды. Точь-въ-точь, какъ тѣ куклы, которыя Ниночка шила изъ тряпочекъ, ужасно походили на живыхъ людей. Мнѣ кажется, что было бы даже лучше, если бы всѣ люди были изъ тряпочекъ, и я могъ бы играть съ ними, какъ съ своей бумажкой.

— Ахъ, какой онъ смѣшной!—кричала Ниночка, бѣгая съ бумажкой по всѣмъ комнатамъ.—Какой онъ забавный!.. Милый котикъ Васька!

А кончилась эта забава все-таки скверно, т.-е. скверно, конечно, опять-таки для меня. Фофочкѣ тоже нравилось, какъ я играю съ бумажкой, и она придумала новую забаву.

— Миленкѣй котикъ Васенька, иди ко мнѣ,—говорила Фофочка самымъ нѣжнымъ голосомъ.

Я люблю, когда меня ласкаютъ, и самымъ

довѣрчивымъ образомъ забрался къ ней на колѣни. Фочка одной рукой гладила меня по спинѣ, а другой съ удивительной ловкостью прицѣпила мнѣ бумажку къ хвосту; я по дѣтской глупости сразу ничего не понялъ, а только

слышу, что гдѣ-то шелеститъ бумажка. Этого было достаточно, чтобы я стрѣлой прыгнулъ съ колѣней Фочки... Представьте себѣ мое изумленіе и ужасъ, когда бумажка бросилась за мной!.. Я отъ нея, а она за мной...

Фочка и Ниночка хохотали до слезъ, пока я кружился на полу, какъ волчокъ, напрасно стараясь поймать проклятую бумажку, которая упорно гонялась за мной. У меня кружилась голова, глаза налились кровью, и дѣло кончилось тѣмъ, что я почти безъ чувствъ растянулся на полу. Скажите, пожалуйста, неужели это смѣшно? А Фочка и Ниночка хохотали, какъ сумасшедшія. Мои мѣтки съ преслѣдовавшей меня бумажкой начали повторяться каждый

день, и я даже во снѣ видѣлъ, какъ эта бумажка гоняется за мной. Я думалъ, что просто сойду съ ума отъ этой пытки... Наконецъ, страдало мое самолюбіе, потому что надо мной смѣялись, какъ надъ дурачкомъ. Малыя дѣти дошли до того, что показывали меня своимъ гостямъ, и я кружился по полу для общей потѣхи до тошноты.

— Ахъ, какой забавный котенокъ!—восхищались гости.—Какъ ты весело играешь...

Вотъ и завидуйте послѣ этого счастливой кошачьей жизни. Желалъ бы я посмотрѣть, если бы вамъ прицѣпили къ хвосту бумажку, и какъ вы начали бы кружиться до изнеможенія. Вѣдь я знаю, что и у людей тоже есть хвостъ, но они хитры и ловко скрываютъ его подъ своимъ платьемъ,—иначе для чего они одѣваются? О, я тогда былъ малъ и глупъ, а теперь все отлично понимаю... Меня больше не обманешь какой-нибудь бумажкой.

Только къ одному никакъ не могу привыкнуть: ляжешь, задремлешь, а какой-нибудь шалунъ и поскребетъ подъ столомъ. Ну, конечно, я сейчасъ же вскакиваю и, какъ молнія, бросаюсь ловить мышъ, которой никогда не было. Впрочемъ, я долженъ сказать, что я не

люблю ѣсть мышей, какъ другіе коты, которые живутъ по чердакамъ и по чернымъ лѣстницамъ. Я предпочитаю съѣсть живую рыбку... Какая вкусная бываетъ корюшка! Наша кухарка Аннушка очень добрая женщина и иногда меня балуетъ, хотя и притворяется сердитой.

— Ну, ты, постылый, опять пришелъ въ кухню? Вчерашній день потерялъ? Вотъ я тебя, пострѣла!..

Я скромненько усаживаюсь куда-нибудь въ уголокъ, чтобы не мѣшать, и терпѣливо жду, когда Аннушка начнетъ чистить рыбу. Сколько нужно терпѣнья, чтобы дождаться, когда вамъ бросятъ кусочекъ рыбы.

— Ну, вотъ тебѣ...—скажетъ Аннушка, бросая какую-нибудь мелкую рыбешку, которую ей подложилъ рыбакъ для счета.

Я не прихотливъ и съѣдаю все до послѣдней косточки, а потомъ ухожу къ нянѣ Архиповнѣ спать. Въ комнатѣ няни всегда тепло, а я люблю погрѣться.

Нужно вамъ сказать, что у меня есть свой поварь, котораго зовутъ кошатникомъ. Онъ является каждое утро въ кухню и отрѣзаетъ мнѣ на двѣ копейки печенки. Это страшный плутъ, хотя я и молчу. Онъ сплошь и рядомъ

приносить такую скверную печенку, что невозможно ее ѣсть, а Аннушка ворчитъ на меня же.

— Вотъ какой модный котъ выискался и печенки ѣсть не хочетъ!..

Кухарка Аннушка, при всей своей скромной добротѣ, выражается иногда довольно грубо. Разъ она даже пребольно побила меня, хоть я и не былъ виноватъ.

Дѣло въ томъ, что она отправилась зачѣмъ-то въ лавочку, а дверь забыла припереть. Въ ея отсутствіе съ черной лѣстницы шмыгнулъ бездомный, голодный котъ и стащилъ съ кухоннаго стола цыпленка. Конечно, оказался кругомъ виноватъ я, и Аннушка пребольно прибила меня.

— Ахъ, ты, негодный ворипка!.. Вотъ я тебя выучу...

Я едва отъ нея вырвался и скрылся подъ кроватью няни Архиповны, куда всегда прятался отъ разныхъ бѣдъ и напастей. На мое счастье дворникъ видѣлъ, какъ чужой котъ пробѣжалъ съ цыпленкомъ на чердакъ, и моя честь была восстановлена. Но отъ этого мнѣ было не легче: вѣдь моя спина болѣла, а не чужая. Я цѣлые три дня не ходилъ на кухню, чтобы досадить Аннушкѣ.

III.

Когда я немного подросъ, со мной сдѣлалось что-то странное. Конечно, я очень любилъ няню Архиповну и кухарку Аннушку, но мнѣ вдругъ сдѣлалось скучно, я по цѣлымъ часамъ лежалъ на окнѣ и любовался, какъ другіе коты бѣгаютъ по двору, а особенно завидовалъ тѣмъ, которые разгуливали по крышамъ. Какъ всеъмъ было тамъ весело!.. Наконецъ, я не вытерпѣлъ и рѣшился спуститься по черной лѣстницѣ на дворъ. И представьте себѣ, встрѣчаю премаленькую, сѣренькую кошечку, которая сидѣла у самаго входа.

— Здравствуйте, милая кошечка,—поздоровался я.

— Здравствуйте...—ласково отвѣтила она и еще ласковѣе замурлыкала.

Я былъ совершенно счастливъ, что, наконецъ, встрѣтилъ себѣ подобное существо, съ которымъ могъ поговорить и отвести душу. Кошечку звали Пушкомъ, и она жила въ третьемъ этажѣ у одной доброй старушки. О малыхъ дѣтяхъ, которыя таскаютъ за ухо, дергаютъ за хвостъ и мучать бумажкой, она и понятія не имѣла.

— Какая вы счастливая!—невольюно поза-
видоваль я.

Но я не успѣлъ договорить, какъ съ лѣст-
ницы молніей выскочилъ громадный, черный
котъ съ громадными, зелеными глазами и дерзко
крикнулъ мнѣ:

— Тебѣ что нужно здѣсь?!..

Я что-то хотѣлъ ему отвѣтить, но черный
котъ не далъ мнѣ пикнуть слова и пребольно
ударилъ меня лапой прямо по лицу. Я запи-
щаль отъ боли и бросился на лѣстницу, но
черный котъ меня быстро догналъ, схватилъ
зубами за ухо и пребольно искусаль. За что?
Я вернулся домой весь въ крови, въ самомъ
жалкомъ видѣ.

— А впередъ не ходи на дворъ!—сурово
замѣтила Аннушка.—Сиди дома и будешь цѣль...

Мнѣ ничего не оставалось, какъ только
согласиться съ ней. Я, дѣйствительно, терпѣ-
ливо высидѣлъ дома цѣлыхъ двѣ недѣли, пока
мои раны зажили. А потомъ... Ахъ, потомъ я
сразу очутился на крышѣ нашего дома. Вино-
вата, конечно, была кошечка Пушокъ, которая
заманила меня туда. Мы рѣзвились, играли,
шалили, какъ дѣти, пока не явился опять чер-
ный котъ. Онъ безъ всякихъ разговоровъ

схватилъ меня за шиворотъ и сбросилъ съ крыши прямо на мостовую. Я упалъ съ высоты третьяго этажа и переломилъ себѣ правую переднюю лапку. Домой я едва приползъ. Няня Архиповна перевязала мнѣ переломленную лапку тряпочкой и положила на свою кровать. Всѣ жалѣли меня и всѣ ухаживали за мной, какъ никогда.

— Бѣдный котикъ Вася.. У котика Васи болитъ лапка!..

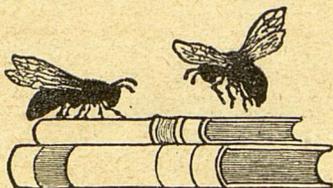
Фофочка и Ниночка даже поплакали, что меня очень тронуло.

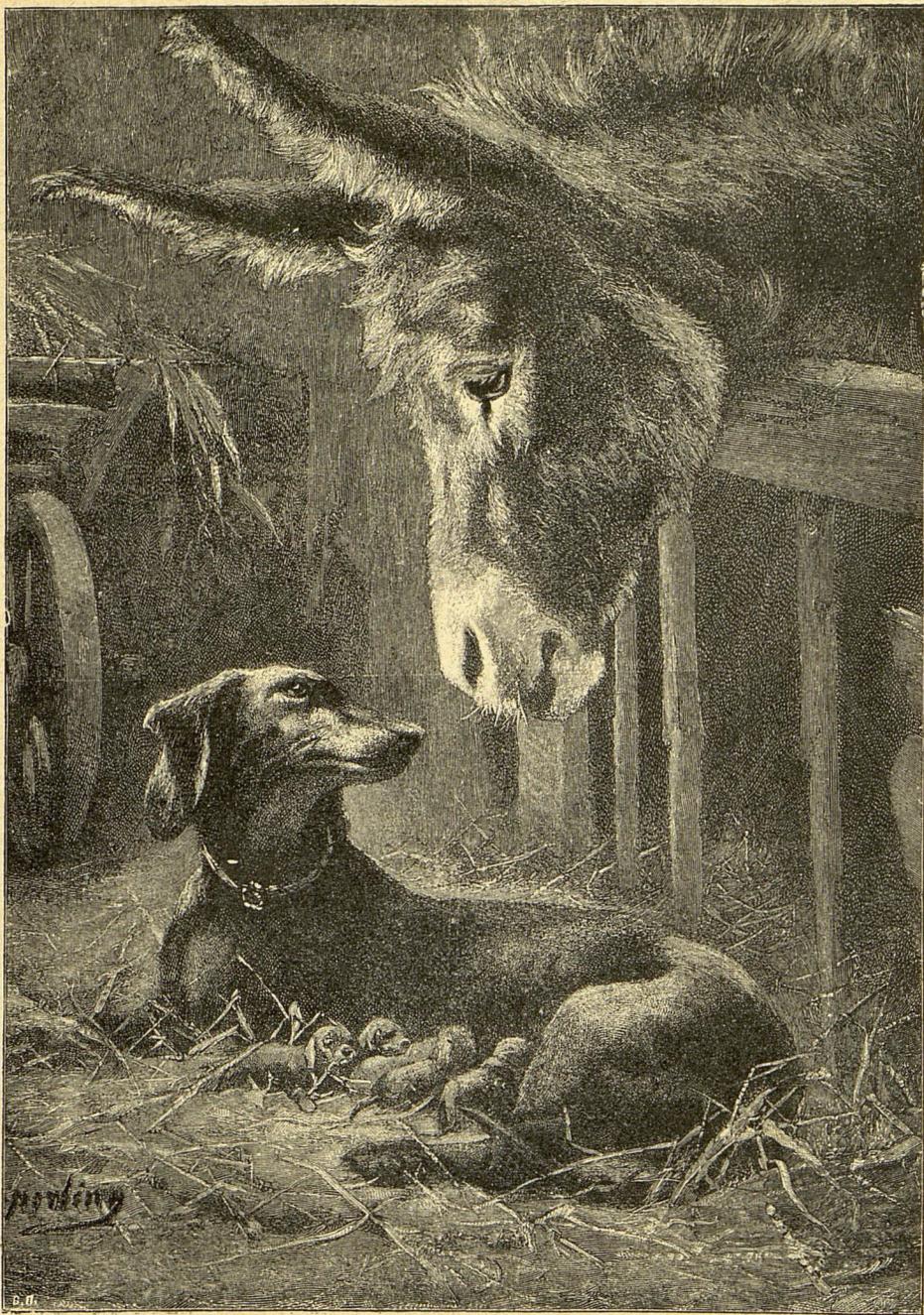
— Вотъ мы скоро поѣдемъ на дачу, такъ Васька тамъ живо поправится,—утѣшала ихъ няня Архиповна.

Растроганный общимъ участіемъ, я началъ тоже мечтать о дачѣ и о томъ, что тамъ меня ждетъ что-то особенное. О, какъ ошибался глупенькій маленькій котенокъ!..

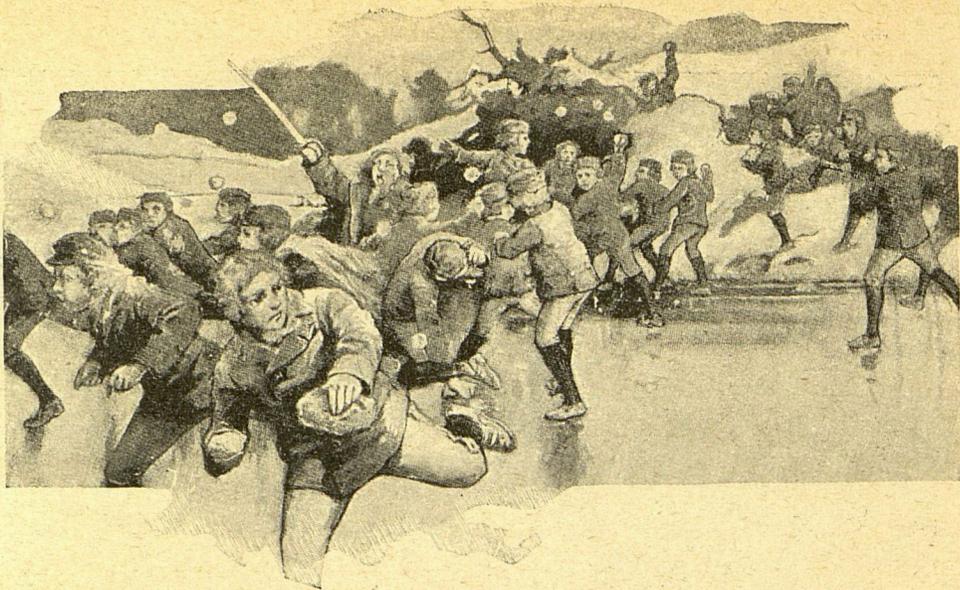
Д. Маминъ-Сибирякъ.

(До слѣдующей книжки.)

«Съ добрымъ утромъ, сосѣдушка!..»

Трусъ безъ страха.

I.

Въ пансіонѣ насъ было человѣкъ двадцать. Жили мы дружно; мальчики все были бойкіе, веселые, шалуны на славу, каждый за себя постоитъ. Вообще, герои были, такъ пѣтухами и похаживали: руки въ карманы, фуражки на затылокъ, ну-ка, тронь попробуй!.. Только одинъ мальчикъ былъ не въ насъ, и мы его не любили и презирали. Худенькій, голубоглазый, бѣлокурый, нѣжный такой, болѣзненный и трусъ невообразимый. Сначала мы его „дѣвчонкой“ звали, а потомъ стали кликать „бѣлоглазая зайча“. Ужъ очень онъ тру-

сливъ былъ,—настоящій заяцъ, и къ тому же еще заика. Господи!.. какъ мы его дразнили!.. Подкроемся сзади, да ухнемъ:— „Ухъ!“— онъ весь вздрогнетъ,—стоитъ ни живъ, ни мертвъ.

Сдѣлаемъ, бывало, изъ войлока шишку, въ родѣ мышонка, привяжемъ на веревочку.

— Зайча,—кричимъ,—мышь! мышь!..

Задрожитъ мальчикъ, на глазахъ у него слезы и бросится бѣжать. А мы—за нимъ вдогонку, кричимъ: „мышь тебѣ носъ откусить, Зайча!..“—бросаемъ въ него войлокомъ, а мальчикъ бѣжитъ, запыхается и плачетъ... Теперь и то жалко до слезъ его вспоминать.

Разъ кто-то принесъ набитую чучелу лисицы; подкрался сзади къ Зайчѣ, да прямо ему къ носу поднесъ оскаленную морду.

Поблѣднѣлъ мальчикъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, лица на немъ нѣтъ; мы ужъ и то перепугались за него.

— Какой ты глупый, Зайча, — надоѣдали мы:—ты всего боишься.

— Всего боюсь! — откровенно сознавался онъ.

Ну, какъ его было убѣдить. Мы махнули на него рукой и только и дѣлали, что дразнили его и мучили постоянно.

Звали его Борей Бархаткинымъ. Ходилъ онъ медленно, какъ старикъ, все опирался на маленькую клюшку, которую самъ себѣ вырѣзалъ въ саду. Какъ-то разъ зимой мы играли въ снѣжки; Боря тоже затесался въ игру. Мы, конечно, всей гурьбой бросились на него, закидали снѣжками, повалили на снѣгъ и въ пылу игры не слышали его просьбъ и жалобъ.

А когда онъ поднялся и, заикаясь, сквозь слезы сказалъ только:

— За что вы меня мучаете?

Мы хоромъ безсердечно пропѣли:

— За трусость, за трусость, заячья твоя душа!..

Честное слово, до сихъ поръ слезы выступаютъ у меня на глазахъ, когда я только вспоминаю этого бѣднаго Борю, его робкій голосъ, эти его слова, полная упрека:— „Зачѣмъ вы меня мучаете?..“

II.

Боря вообще мало игралъ съ нами; все больше сидитъ въ сторонѣ и читаетъ что-нибудь. Это насъ еще больше раздражало, — тутъ-то мы его и начинали особенно дразнить.

— Боря, а ты темной комнаты боишься? — надоѣдали мы.

— Ну, конечно, боюсь!..—откликнулся онъ.

— А изъ окошка ты бросишься?

— Ни за что на свѣтѣ!..

А мы тѣмъ же вечеромъ нарочно вталкивали его одного въ темную комнату,—или подтаскивали къ открытому окну и дѣлали видъ, что хотимъ его выбросить на улицу.

Мальчикъ плакалъ, отбивался,—а намъ это было весело и забавно.

Но больше всего онъ боялся воды. Издали рѣчку увидеть и весь содрогнется.

— Я видѣлъ разъ,—разсказывалъ онъ,—какъ лошадь въ рѣкѣ тонула. Съ той поры я и боюсь.

— Ха - ха - ха!.. — заливались мы хохотомъ.—То лошадь, а то ты, Зайча бѣлоглазая!..

Вотъ разъ нашъ коноводъ, Володя Смирновъ, здоровый, краснощекій мальчикъ задумалъ отучить Борю отъ трусости.

Было зимнее морозное утро. Зима только-только стала. Между уроками насъ отпустили въ садъ, гдѣ былъ большой прудъ.

— Кататься!—крикнулъ Володя. — Давайте кататься по льду безъ коньковъ.

— Ура!..—откликнулись мы въ голосъ.

— И давайте учить уму-разуму Зайчу!—
добавилъ Володя.

— Дѣло, дѣло!—завопили мы и бросились
къ Зайчѣ.

А бѣдный Боря сидѣлъ у забора, весь
съежившись комочкомъ и прижавшись къ бе-
резѣ, опираясь на свою клюшку.

— Зайча, ты трусь!—заявилъ ему, подбѣ-
жавъ, Володя.

— Да!—прошепталъ испуганный мальчикъ.

— Трусь, трусь, трусь! — запѣли мы хо-
ромъ.

— Это позоръ,—продолжалъ Володя,—и мы
хотимъ тебя отучить отъ этого. Мы тебя по-
тащимъ на рѣку!..

— Оставьте меня! — пробормоталъ мальчу-
ганъ и еще плотнѣе прижался къ березѣ.

Но мы съ хохотомъ, съ криками схватили
его кто за руки, кто за плечи и потащили
на ледъ.

Боря отбивался отъ насъ, упирался нога-
ми, но съ нами совладать было невозможно.

— Тащи его на самую средину, тамъ про-
рубь. Пускай пріучается къ храбрости! — ко-
мандовалъ Володя.—Что за телячьи нѣжности!

Онъ бѣжалъ передомъ, скользя по льду и все кричалъ:

— А я ничего не боюсь... и-ахъ... и-ахъ... Не боюсь, Зайча! на, вотъ, гляди и... Тащи его сюда, къ самой проруби!.. Ближе, ближе...

Онъ бѣжалъ задомъ, махая отчаянно руками, не оглядываясь назадъ, а мы, увлеченные суматохой, скользили по льду за нимъ, и вдругъ...

...Господи! Я какъ сейчасъ слышу этотъ трескъ льда, этотъ отчаянный голосъ Володи:

— Ахъ!.. По-мо-ги-те!..

Въ ужасѣ мы все забыли, бросили Зайчу и вразсыпную бросились дальше къ берегу, не оглядываясь на страшную прорубь, гдѣ барахтался Володя, и кричалъ намъ, и звалъ насъ на помощь...

III.

А Зайча и совсѣмъ одурѣлъ, и плакать, и кричать даже забылъ. Выпуча глаза, съ минуту смотрѣлъ онъ на черную курчавую голову Володи, а потомъ сталъ на колѣни, легъ на животъ и поползъ къ нему, къ краю проруби...

— Зайча, Зайча, Борька...—завопили мы издали.—Ты-то хоть убирайся, дура!..

А онъ ползъ и ползъ по льду, протягивая впередъ свой посошокъ... Ледъ гнулся подъ нимъ, предательски трещалъ и лопался, такъ что трещина убѣгала въ край пруда... Володя охрипъ и выбивался изъ силъ, цѣпляясь руками за скользкіе края проруби...

Все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, но намъ казалось, что мы переживаемъ цѣлые годы... Издали къ пруду бѣжали двое нашихъ воспитателей внѣ себя и что-то безтолково кричали намъ, но мы ихъ не слушали, мы такъ и впились глазами въ Володю и въ этого маленькаго, худенькаго мальчика, который весь распластался на льду и протянулъ палку Во-

лодѣ. Палка легла съ края проруби на край. Володя поднялся на ней, оперся... Подбѣжалъ нашъ воспитатель, Семенъ Иванычъ, тоже лежа подобрался къ проруби и вытащилъ Володю.

— Слава Богу!.. — крикнулъ Боря совершенно чисто, не заикаясь, и упалъ безъ чувствъ...

IV.

Володя лежалъ въ горячкѣ... Насъ не пустили къ нему; намъ наговорили, что эта болѣзнь прилипчивая, какъ, моль, войдемъ къ нему, сами такъ же захвораемъ. Мы и сами боялись этого, и не шли къ Володѣ.

Въ пансіонѣ въ лазаретѣ, какъ-то почью, сидѣлка-няня дремала у Володиной кровати... Лампочка слегка освѣщала комнату; было тихо-тихо, какъ въ церкви.. И вдругъ няня услышала легкій шорохъ. Она вскинула глаза. Около самой постели стояла сѣрая, маленькая, худенькая фигурка въ туфляхъ и ночномъ халатикѣ. Дрожащими руками, запахивая полы халата, Боря во все глаза смотрѣлъ на больного, и глаза его такъ и блестѣли отъ слезъ.

Няня хотѣла встать и пригрозить ему, но онъ заговорилъ, и какъ заговорилъ, — нѣжно,

съ такой любовью, что въ душу проникло каждое его слово.

— Няня, нянечка... не гони ты меня!.. Мнѣ хорошо... я не боюсь ничего... здѣсь... я боюсь только рѣки... я всегда боялся ее... а она меня вылѣчила... няня милая... я ужь не заикаюсь... я ровно говорю, какъ и ты, какъ и всѣ... Кабы мама и папа были живы, какъ бы они порадовались на меня... А Володя живъ, Володя скоро встанетъ... только я ему не скажу, что я воды боюсь... а то онъ опять натворить бѣды... А я здоровъ тоже, няня милая,—почему только не съ кѣмъ мнѣ подѣлиться радостью... ни мама, ни папа не знаютъ о томъ... тѣ, кто любили-то меня такъ!..

И прижала старушка ребенка къ себѣ.

— Милый ты мой, — заговорила она, — да кто жь не любить тебя можетъ?.. У своихъ ты теперь здѣсь, у родныхъ... потому, нѣтъ ближе души, какъ та, которой онъ милость оказалъ...

Она гладила его по головѣ, прижимала къ себѣ, любовно слушала, какъ онъ, засыпая у нея на рукахъ, все шепталъ:

— А все-таки я боюсь воды, боюсь и боюсь... не будь ея,—мы были бы теперь здоровы, и Володя не звалъ бы меня трусомъ!..

А. Ведоровъ-Давыдовъ.

Наши замарашки.

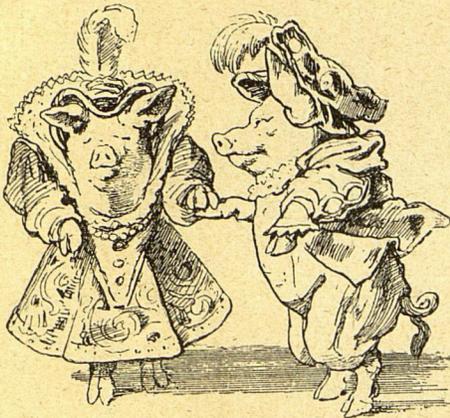
Про свиней говорятъ, что онѣ глупы, непонятливы. Это неправда. Въ чужихъ земляхъ, въ Испаніи, свинья оказываетъ большую услугу людямъ. Тамъ, подъ землей растутъ грибы—трюфели, очень вкусные. Ихъ человекъ не можетъ найти самъ,—грибы растутъ такъ, что ихъ и не видно. А у свиньи очень тонкое чутье, она можетъ слышать легкой запахъ этихъ грибовъ.

Вотъ и приучили свинью искать трюфели. Человекъ привязываетъ веревочку къ ногѣ свиньи и идетъ съ нею въ поле, гдѣ растутъ грибы. Свинья ходитъ, нюхаетъ землю; гдѣ учуетъ запахъ грибовъ, тамъ начинаетъ рыть землю носомъ. Тутъ и находятъ грибы.

Одному человекъ вздумалось научить свиней танцевать, и это ему удалось очень скоро. Нарядилъ онъ свиней въ бога-

тые костюмы дамой и кавалеромъ, заигралъ на скрипкѣ, свинки и пошли танцовать.

Про это узнали въ городѣ и во дворцѣ. Французскій король Людовикъ XI, страдавшій отъ тяжелаго настроенія духа, незадолго до своей смерти, пожелалъ посмотрѣть эту диковинку. Свинки такъ бойко и весело проплясали ему свой незамысловатый танецъ на заднихъ лапахъ, что король, не смѣявшійся больше года, хохоталъ до слезъ.

При прусскомъ королѣ Фридрихѣ II кто-то обучилъ цѣлое стадо свиней фронтальному ученію. По командѣ свиньи маршировали въ ногу, разсыпались по лугу и по щелканью кнута вновь собирались въ строй.

А то одинъ оригиналъ научилъ свинью распознавать время по большимъ стѣннымъ часамъ. Свинья топала ногой столько

разъ, сколько часовъ показывали стрѣлки.

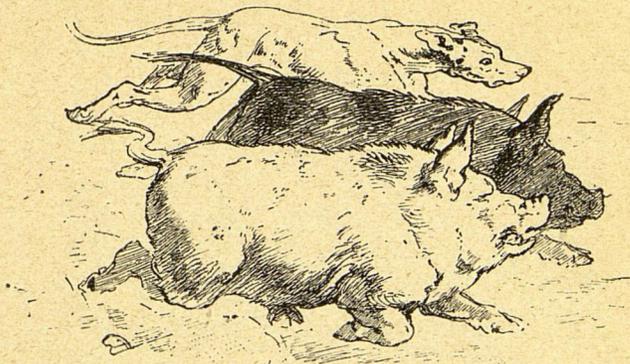
Разъ въ одномъ англійскомъ обществѣ заговорили о быстротѣ бѣга лошади.

— Увѣряю васъ, — сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, — свиньи могутъ обогнать любую собаку, а собака бѣжитъ на много быстрее лошади.

Побились объ закладъ, и спорщикъ принялся на другой же день за дрессировку свиней. Мѣсто бѣга онъ выбралъ между двумя сараями. Въ одномъ сараѣ держали ученыхъ свиней, а въ другомъ ихъ стали каждый день кормить вкусно и по-многу.

Въ назначенный день свиней не кормили съ вечера накануне. Когда отворили ворота и выпустили свиней и собаку, первыя опередили на нѣсколько саженей собаку, — съ такой поспѣшностью бросились онѣ къ ѣдѣ.

А одинъ лѣсной сторожъ, страшный охотникъ, потерявъ собаку, приучилъ ходить съ собой на охоту двухъ свиней.

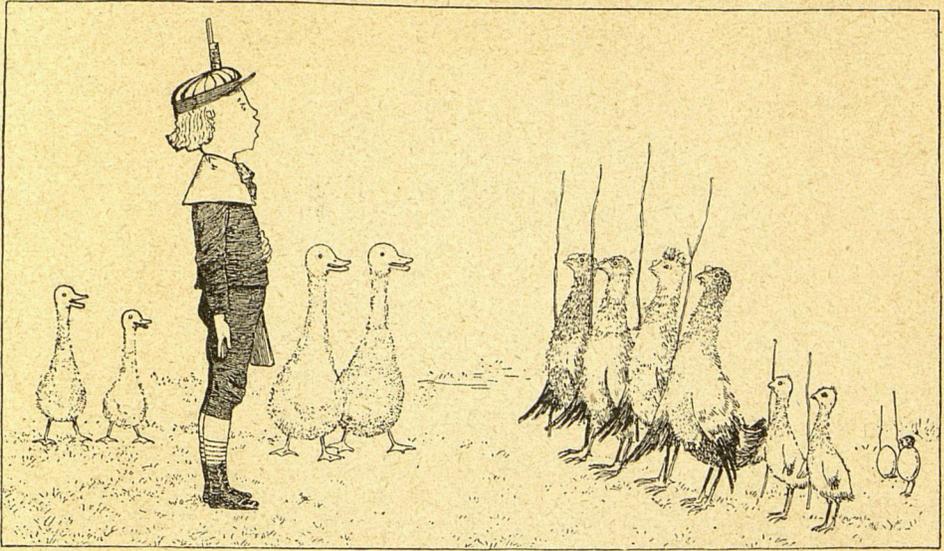
И свиньи его исполняли свои обязанности крайне добросовѣстно. дѣлали стойки и поднимали цѣлые выводки тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ и фазановъ. Онѣ также легко нападали на заячій слѣдъ и выслѣживали его.

Единственный недостатокъ свиней — ихъ обжорство, побуждающее ихъ даже къ тому, что онѣ поѣдаютъ своихъ дѣтенышей.

С. Т.

Потѣшная страничка.

ВОИТЕЛИ.

— „Смирно! Стройтеся, индюшки,
„Станьте вы тѣснѣй другъ къ
дружкѣ,
„На враговъ моихъ—гусей
„Выйдемъ въ битву ратью
всей!..
„Меня гуси не боятся,
„Все шипятъ, кусать грозятся
„Лишь за то, что ихъ гусятъ
„Погонять порой я радъ!..
„Но, довольно ихъ стѣсняться,
„Собирайтесь, чтоли, братцы,—
„Завоюемъ птичій дворъ,—
„Въ томъ намъ—слава, имъ—
позоръ!..“

Гуси только хохотали,
И вождя не признавали,
А серьезный ихъ вожакъ,
Мальчугана злѣйшій врагъ,
Гнѣвно вытянулъ вдругъ
шею:
— „Сударь! драться я умѣю,
„Но тебя не трогать радъ,
„Не гоняй лишь ты гусятъ!..
Командиръ мой растерялся,
Закричалъ и прочь помчался,
А за нимъ—его патруль,
Да и дразнить: „Бурли да
буль!..“

Ткачь Основа.

